

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРА. 2022–2023 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС
ЗАДАНИЯ, ОТВЕТЫ И КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ

Максимальный балл за всю работу – 75.

I. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Андрей Платонович Платонов (1899–1951)

УЛЯ

Жил однажды на свете прекрасный ребёнок. Теперь его забыли все люди, и как его звали, тоже забыли. Никто его не помнит – ни имени его, ни лица. Одна бабушка моя помнила того прекрасного ребёнка, и она рассказала мне о нём, какой он был.

Бабушка сказала, что ребёнка звали Уля, и это была девочка. Все, кто видел маленькую Улю, чувствовали в своём сердце совестливую боль, потому что Уля была нежна лицом и добра нравом, а не каждый, кто смотрел на неё, был честен и добр.

У неё были большие ясные глаза, и всякий человек видел, что в их глубине, на самом их дне, находится самое главное, самое любимое на свете, и каждый хотел взглянуть в глаза Ули и увидеть на дне их самое важное и счастливое для себя... Но Уля моргала, и поэтому никто не успевал разглядеть того, что было в глубине её ясных глаз. Когда же люди снова смотрели в глаза Ули и некоторые уже начинали понимать то, что они видят там, Уля опять моргала, и нельзя было узнать до конца, что было видно на дне её глаз.

Один человек успел, однако, посмотреть Уле в глаза до самого дна и увидеть, что там было. Этого человека звали Демьяном; он жил тем, что в урожайные годы дешёво покупал хлеб у крестьян, а в голодные годы дорого продавал его, и был с того сам всегда сыт и богат. Демьян увидел в далёкой глубине Улиных глаз самого себя, и не такого самого себя, каким он всем казался, а такого, каким он был по правде: с алчной пастью и с лютым взором; скрытая душа Демьяна была явно написана на его лице. И Демьян, как увидел себя, ушёл с тех пор с места, где он жил, и никто про него долго ничего не слышал, и уж стали было его забывать.

В глазах Ули отражалась одна истинная правда. Если жестокий человек имел красивое лицо и богатую одежду, то в глазах Ули он был безобразным и покрытым язвами вместо украшений.

Сама же Уля не знала, что в глазах её отражалась правда. Она была ещё мала и неразумна. А другие люди не успевали разглядеть себя в её глазах, но всякий любовался Улей и думал, что жить хорошо, раз она существует на свете.

Уля не знала своей родной матери и родного отца. Её нашли в летнее время под сосною у дорожного колодца. Ей было тогда несколько недель от рождения; она лежала на земле, завёрнутая в тёплый платок, и молча глядела на небо большими глазами, в которых менялся цвет: они были то серые, то голубые, то вовсе тёмные.

Добрые люди взяли ребёнка к себе, а одна бездетная крестьянская семья назвала её своей дочерью, и окрестили её Ульяной. И всю свою раннюю детскую жизнь Уля прожила в избе у приёмных родителей.

Когда она спала, глаза её бывали закрыты наполовину, и она словно смотрела ими. А под утро, когда рассветало на дворе, в полуоткрытых глазах Ули отражалось всё, что было видно за окном избы. Она спала на скамье, и лицо её освещал ранний день. Ветви ивы, росшей за окном, облака, озарённые первым кротким солнцем, и пролетающие птицы – всё это было один раз снаружи, а второй раз – светилось в глубине Улиных глаз; но в Уле облака, и птицы, и листья ивы были лучше, яснее и радостней, чем их видели все люди.

Приёмные родители так любили маленькую Улю, что от тоски по ней они каждую ночь просыпались. Они сходили с полатей, приближались к Уле и подолгу смотрели в сумраке на спящую чужую дочь, которая им стала милее родной. Им казалось, что свет светит из её полузакрытых глаз, и в бедной избе было хорошо в этот час, как в день праздника во время их молодости.

– Уля, должно быть, скоро умрёт, – тихо говорила мать.

– Молчи, не кличь беду, – говорил отец. – Чего ей помирать в малолетстве?

– Такие долго не живут, – опять говорила мать. – У неё глазки во сне не закрываются. – В их деревне было поверье, что дети, у которых не закрываются во сне глаза, рано умирают.

Сколько раз мать хотела своею рукой опустить веки на глаза Ули, но отец не велел трогать её, чтобы не испугать. Днём, когда Уля играла в углу с лоскутьями или переливала воду из глиняной миски в железную кружку, отец и тогда остерегался прикоснуться к дочери, словно боясь повредить её маленькое тело.

Светлые волосы росли на голове Ули, и они вились в локоны, будто это ветер вошёл в них и замер. А мягкое лицо Ули и во сне, как наяву, всматривалось куда-то и было озабочено. Отцу и матери казалось тогда, что Уля хочет спросить их о чём-то, что мучает её, и не может, потому что не умеет говорить.

Отец позвал к Уле доктора-фельдшера. Может, думал отец, у неё есть какая боль и доктор поможет ей. Доктор послушал дыхание Ули и сказал, что у неё всё пройдёт, когда она вырастет.

– А отчего она всем мила? – спросил отец у доктора. – Лучше бы она была похуже!

– Это игра природы, – ответил доктор.

Отец с матерью обиделись.

– Какая игра! – сказали они. – Она ведь живая, а не игрушка.

Другие люди по-прежнему старались посмотреть в глаза Ули, чтобы увидеть там, какие они есть по правде. Может быть, кто-нибудь и видел себя

самого, только про это не говорил, а говорил всем, что не успел рассмотреть, потому что Уля моргнула.

Все люди узнали, что глаза Ули меняли свой цвет. Если она смотрела на доброе – на небо, на бабочку, на корову, на цветок, на прохожего дедушку-бедняка, то глаза её сияли прозрачным светом, а если она смотрела на то, что скрывало в себе зло, то глаза её темнели и становились непроглядными. Только в самой глубине Улиных глаз, в самой середине их, был всегда одинаковый ясный свет, и в нём отражалась правда о том человеке или предмете, на который она глядела, – не то, что кажется всем снаружи, а то, что скрыто втайне внутри и невидимо.

Когда Уле сравнялось два года, она стала говорить, и говорила она чисто, но редко, и знала мало слов... Она видела в поле и на деревенской улице то, что всем видно и понятно. Однако Уля всегда удивлялась тому, что видела, а иногда кричала от страха и плакала, показывая туда, на что она смотрела.

– Чего ты? Ты чего, Уленька? – спрашивал её отец и брал к себе на руки, не понимая, отчего тревожится Уля. – Чего ты так глядишь на меня? Там стадо идёт ко двору, а тут – я с тобой.

Уля с испугом смотрела на отца, будто он был ей чужой и она никогда не видела его. Со страхом она сходила на землю и убегала от отца. Так же одинаково она боялась матери и пряталась от неё.

Спокойной Уля была только в темноте, где глаза её ничего не видели.

Проснувшись утром, Уля сразу хотела убежать из дома. И она уходила в тёмный овин или в поле, где была в овраге песчаная пещера, и там сидела в сумраке, пока её не находили отец с матерью. А когда отец или мать брали её на руки, прижимали к себе и целовали в глаза, то Уля плакала от страха, и вся дрожала, будто её схватывали волки, а не ласкали родители.

Если Уля видела робкую бабочку, летящую поверх травы, она с криком бежала от неё прочь, и ещё долго билось её испуганное сердце. А больше всех Уля боялась одну старуху, мою бабушку, которая была такая старая, что её и все другие старухи тоже звали бабушкой. Бабушка редко приходила в избу, где жила Уля. А когда приходила, то всегда приносила в подарок девочке лепёшку из белой муки, либо кусок сахару, либо вареники, которые вязала целых сорок дней, или ещё что, что нужно Уле. Старая бабушка говорила, что она бы уже умерла, ведь ей пришло время, да теперь не может умереть: как вспомнит Улю, так её слабое сердце опять дышит и бьётся, как молодое: оно дышит от любви к Уле, от жалости к ней и от радости.

А Уля, увидев бабушку, тотчас начинала плакать; она не сводила с бабушки своих потемневших глаз и тряслась от страха.

– Она правды не видит! – говорила бабушка. – Она в добром видит злое, а в злом доброе.

– А почему же в глазах её всю правду истинную видно? – спрашивал отец.

– А потому же! – опять говорила старая бабушка. – В самой-то ней вся правда светится, а сама она света не понимает, и ей все обратно кажется. Ей жить хуже, чем слепой. Пускай бы она уж слепая была.

«Может, и верно бабушка говорит, – подумал тогда отец. – Нехорошее Уля видит хорошим, а доброе дурным».

Цветов Уля не любила, она никогда не трогала их, а, набрав в подол чёрного сору с земли, уходила в тёмное место и там играла одна, перебирая сор руками и закрыв глаза. Она не дружила с другими детьми, что жили в деревне, и убегала от них домой.

– Боюсь! – кричала Уля. – Они страшные.

Тогда мать прижимала голову Ули к своей груди, словно хотела спрятать ребёнка и успокоить его в своём сердце.

А дети в деревне были небалованные, добрые, на лицо чистые, они тянулись к Уле и улыбались ей.

Мать не понимала, чего Уля боится и что страшное на свете видят её прекрасные бедные глаза.

– Не бойся, Уленька, – говорила мать, – ничего не бойся, я ведь с тобою.

Уля, поглядев на мать, опять кричала:

– Я боюсь!

– Кого же тебе страшно: это я!

– Я тебя боюсь: ты страшная! – говорила Уля и закрывала глаза, чтобы не видеть матери.

Никто не знал, что видит Уля, а сама она от страха сказать не умела.

В деревне росла ещё одна девочка: ей было четыре года от рождения и звали её Грушей. С ней одной стала играть Уля и полюбила её. Груша была из себя длиннolica, за это её прозвали «кобыльей головкой», и сердитая нравом; она даже своего отца с матерью не любила и обещала, что скоро убежит из дома далеко-далеко и никогда не вернётся, потому что тут плохо, а там хорошо.

Уля трогала лицо Груши руками и говорила ей, что она красивая. Глаза Ули глядели на злобное, угрюмое лицо Груши с любованием, будто Уля видела перед собой добрую любящую подругу, хорошую лицом. А Груша однажды нечаянно посмотрела в глаза Ули и успела увидеть в них самое себя, такую, какая она есть по правде. Она закричала от страха и убежала домой. С тех пор Груша стала добрее сердцем и не сердчала на родителей, что дома плохо. Когда же она опять хотела быть злой, то вспоминала свой страшный образ в глазах Ули, пугалась себя и делалась смирной и кроткой.

Хотя и грустно было видеть Уле цветы и добрые лица людей ужасными, однако она, как все малые дети, ела хлеб, пила молоко и с того росла. А жизнь скоро идёт, и вскоре Уле исполнилось сначала пять лет, а потом шесть и семь.

В то время вернулся в их деревню тот мужик Демьян, что давно ушёл неизвестно куда. Он вернулся бедным и простым, он стал пахать землю, как все люди, и жил после добрым до старости лет. Он даже хотел, чтобы Улю отдали к нему в дом названной дочерью, потому что он был стар и одинок, но приёмные родители Ули не дали своего согласия. Они сами не могли жить без Ули, как взяли её во двор.

С пяти лет Уля перестала кричать и убегать от страха: она лишь становилась печальной, когда видела перед собой добрую и прекрасную душу, будь то моя

старая бабушка или другой кроткий человек, и часто плакала. Однако по-прежнему в глубине её больших глаз светился истинный образ того, на кого она смотрела. Но сама она не видела правды, а видела ложь. И, словно замершие в удивлении, осматривали весь свет её доверчивые, грустные глаза, не понимая того, что они видят.

Когда Уле сравнялось семь лет, приёмные родители сказали ей, кем они ей приходится, и о том, что родные отец и мать Ули неизвестно где живут, и неизвестно – живы они или нет. Приёмные родители сказали это разумно. Они хотели, чтобы девочка узнала правду от них, а не от других людей; чужие люди когда-нибудь скажут ей о том же, но скажут нехорошо и поранят душу ребёнка.

– А они тоже страшные? – спросила Уля о своих родных родителях.

– Нет, они не страшные, – сказал приёмный отец. – Они тебя на свет родили, милее их тебе никого нету.

– Ты неправду видишь, дочка, – вздохнула неродная мать. – У тебя глаза порченые.

С тех пор Уля стала жить ещё более печальной. Шло лето, и Уля задумала, что под осень она уйдёт из дома, чтобы встретить на свете своих родных отца и мать, покинувших её.

И то лето ещё не минуло, как пришла в деревню одна пожилая крестьянка, обутая в лапти и с хлебной котомкой за плечами. Видно было, что она шла издалека и утомилась. Она села у дорожного колодца, возле которого росла старая сосна, поглядела на дерево, потом поднялась и оцупала землю вокруг сосны, точно искала что-то, давно оставленное и забытое. Переобувшись, женщина подошла к избе, где жил Демьян, и села на завалинок.

Прохожих никого не было, люди работали в поле, и женщина-странница долго сидела одна. Потом из одного двора вышла девочка. Она увидела чужую женщину и приблизилась к ней.

– Ты не страшная, – сказала девочка с большими светящимися чистым светом глазами.

Странница посмотрела на девочку, взяла её за руку, потом обняла её и прижала к себе. Девочка не испугалась и не вскрикнула. Тогда женщина поцеловала ребёнка в один глаз и в другой, а сама заплакала: она узнала в Уле свою дочь – по глазам её, по родинке на шее, по всему её телу и по своему задрожавшему сердцу.

– Молода я была, глупа была, на людей тебя бросила, – говорила женщина. – За тобой теперь пришла.

Уля прижалась к мягкой тёплой груди женщины и задремала.

– Я мать тебе прихожусь, – сказала женщина и опять поцеловала Улю в её полузакрытые глаза.

Поцелуй матери исцелил Улины глаза, и с того дня она стала видеть белый свет, озарённый солнцем, так же обыкновенно, как все другие люди. Она смиренно глядела перед собой серыми ясными глазами и никого не боялась. Она видела правильно – прекрасное и доброе, что есть на земле, ей теперь не казалось

страшным и безобразным, а злое и жестокое – прекрасным, как было без родной матери.

Однако в глубине Улиных глаз с этого времени ничего не стало видно: тайный образ правды в них исчез. Уля не почувствовала горя, что правда более не светится в её глазах, а её родная мать тоже не опечалилась, узнав об этом.

– Людям не нужно видеть правду, – сказала мать, – они сами её знают, а кто не знает, тот и увидит, так не поверит.

В то время моя старая бабушка умерла и больше ничего не могла рассказать мне об Уле. Но спустя много времени я сам увидел однажды Улю. Она стала красивой девушкой, столь красивой, что была лучше, чем нужно людям: и поэтому люди любовались ею, но сердце их оставалось равнодушным к ней.

(1939, опубликовано 1966)

Вариант 2

Александр Семёнович Кушнер (род. 1936)

* * *

Слово «нервный» сравнительно поздно

Появилось у нас в словаре

У некрасовской музыки нервнойной

В петербургском промозглом дворе.

Даже лошадь нервически скоро

В его желчном трёхсложнике шла,

Разночинная пылкая ссора

И в любви его темой была.

Крупный счёт от модистки, и слёзы,

И больной, истерический смех,

Исторически эти невроты

Объясняются болью за всех,

Переломным сознанием и бытом.

Эту нервность, и бледность, и пыл,

Что неведомы сильным и сытым,

Позже в женщинах Чехов ценил,

Меж двух зол это зло выбирая,

Если помните... ветер в полях,

Коврин, Таня, в саду дымовая

Горечь, слёзы и чёрный монах.

А теперь и представить не в силах

Ровной жизни и мирной любви.

Что однажды блеснуло в чернилах,

То навеки осталось в крови.

Всех ещё мы не знаем резервов,

Что ещё обнаружат, бог весть,

Но спроси нас: – Нельзя ли без нервов?

– Как без нервов, когда они есть! –
Наши ссоры. Проклятые тряпки.
Сколько денег в июне ушло!
– Ты припомнил бы мне ещё тапки.
– Ведь девятое только число, –
Это жизнь? Между прочим, и это,
И не самое худшее в ней.
Это жизнь, это душное лето,
Это шорох густых тополей,
Это гулкое хлопанье двери,
Это счастья неприбранный вид,
Это, кроме высоких материй,
То, что мучает всех и роднит.

(1976)

Критерии оценки

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёх-балльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятерке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

Критерии оценивания	Баллы
К I.1 Понимание текста: последовательное и адекватное раскрытие смысла текста в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	15
К I.2 Композиционная стройность работы, её общая логика и стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	10
К I.3 Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
К I.4 Наличие/отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
К I.5 Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок). Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Итого	40 баллов

II. [35 баллов] МУЗЕЙНАЯ ВИТРИНА: ОТ ЭПИГРАФА К ВЕЩАМ-ЭКСПОНАТАМ

Вы сотрудник Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля и принимаете участие в подготовке выставки «Любимые вещи русских писателей». Вам необходимо описать вещи писателя (писателей) XX века, которые выставлены на витрине (стенде) музея. Предложенный эпиграф может послужить ключом для вашей художественной фантазии.

Эпиграф:

*Кто держит зеркало, кто баночку духов –
Душа ведь женщина, – ей нравятся безделки...*

Осип Мандельштам

1) Предложите кандидатуру русского/советского писателей и/или их возлюбленных XX века для выставки и назовите вещи, которые им принадлежали (могли бы принадлежать).

2) Опишите внешний вид 1–2 вещей, принадлежавших этому писателю (или их возлюбленным), и создайте музейную «легенду» для каждой вещи (историю вещи: как она была связана с биографией писателя и каким образом попала в музей), чтобы экскурсовод музея мог рассказать о ней посетителям.

3) Объясните ход своих рассуждений и аргументированно обоснуйте свои фантазии по поводу выставленных вещей-экспонатов на основании предложенного эпиграфа. Историю вещи и описание её внешнего вида **придумайте самостоятельно. Пишите свободно, интересно, ярко: посетители музеев любят таинственные и захватывающие истории.**

4) Подберите или сочините ещё один поэтический эпиграф к стенду (витрине), подходящий по смыслу к предложенному эпиграфу и указывающий на подобную или сходную вещь. Кратко опишите содержание и/или историю предложенного вами эпиграфа, укажите его автора.

Оцениваются: оригинальность истории, подробность, логика, обоснованность подбора второго эпиграфа, богатство речи.

Критерий оценки	Баллы
К II.1 Кандидатура писателя названа (любая ошибка в имени, фамилии или отчестве – минус 1 балл)	0–2
К II.2 Внешний вид вещи (экспоната) описан подробно, выразительно, художественно	0–8
К II.3 Музейная «легенда» вещи (экспоната) рассказана динамично, живо, эмоционально, ярко, с развёрнутым сюжетом и занимательным действием, в котором принимают участия названные ранее писатели (и/или их друзья и возлюбленные)	0–10

К П.4 Логика выбора и экспонирования вещей аргументирована, обоснована их связь с предложенным эпитафием; придуманная история вещи ярка и оригинальна	0–5
К П.5 Второй эпитафия соответствует первому по смыслу, в том числе имея в виду схожесть и тождественность указанных в эпитафиях вещей	0–5
К П.6 Разнообразие синтаксических конструкций, богатство литературной и научной речи, композиционная свобода владения материалом	0–5
Итого	35 баллов

Примерный ответ:

1. Марина Цветаева. *(Для экспертов: это могут быть Айседора Дункан, Галина Бениславская, Лиля Брик, Н. Герцен, Марина или Анастасия Цветаева, Зинаида Гиппиус, Н. Крандиевская, Е. Кузьмина-Караваева и др.)*

2. Японский веер, доставшийся Марине Цветаевой от её отца Ивана Владимировича Цветаева, который вывез его из Парижа. Согласно легенде, этот веер друг Пушкина Сергей Соболевский привёз своему приятелю Просперу Мериме от Адама Мицкевича, который, подобно Пушкину, поверил в мистификацию Мериме, сочинившего «Песни западных славян». Мицкевич просил Мериме принять этот дар от него в качестве восхищения за убедительность мистификации. В Литературный музей веер передали сотрудники Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в обмен на пейзаж Шишкина, владельцами которого были писатель Александр Фадеев и его вдова, актриса Московского художественного театра Ангелина Осиповна Степанова. На веере изображено озеро и гора Фудзияма, над вершиной которой реет орёл с синими крыльями.

(Описание вещей и истории вымышленные.)

3. Эпитафия рассказывает о различного рода женских украшениях: зеркалах, флаконах от духов, пудреницах, веерах, ювелирных украшениях, перчатках, вуали и пр. Одним словом, любые изящные безделушки могут быть экспонатами музея, даже, например, трубки, которые курил писатель Алексей Николаевич Толстой. Главное, чтобы эти безделушки ублажали душу писателя и/или его возлюбленной.

4. Второй эпитафия: «Их веер пахнет гибельно и тонко...» (М.И. Цветаева). Он взят из стихотворения Марины Цветаевой 1915 года «Есть имена как душистые цветы...», которое входит в цикл любовных стихов «Подруга» под номером 13. Остальные стихи дают множество оттенков любовного чувства, а также образов коварных возлюбленных и изящных, утончённых женщин.